

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-644-657

EDN: ZSEGWH

Научная статья / Research article

Функциональная роль исторических аналогий в российском и украинском президентских дискурсах о специальной военной операции

В.О. Беклямишев

Государственный академический университет гуманитарных наук

Москва, Российская Федерация

✉ bekliamishev@yandex.ru

Аннотация. Применение исторических аналогий в российском и украинском президентских дискурсах в начальный период специальной военной операции (24.02-21.09.2022) требует внимательного изучения. Цель исследования — выявление их функциональной роли. Полученные результаты продемонстрировали, что в российском президентском дискурсе сосуществовали две онтологии конфликта. Доминирующая онтология, задаваемая параллелью с Великой Отечественной войной, предполагала в качестве врага коллективный Запад, использующий Украину в качестве «плацдарма». Вторая онтология, описываемая через параллель с Гражданской войной, придавала Украине большую субъектность, отводя коллективному Западу роль третьей стороны, извлекающей выгоду из конфликта. В свою очередь, репертуар исторических аналогий в украинском президентском дискурсе был гораздо шире, однако большая часть из выявленных параллелей опиралась на прецедентные ситуации из зарубежной истории и применялась с целью повлиять на восприятие конфликта в странах коллективного Запада. Отмеченный дисбаланс отчасти обуславливался тем, что неразрешенные структурные конфликты между советским и националистическим нарративами препятствовали украинским элитам эффективно использовать исторические аргументы во внутривнутриполитической коммуникации.

Ключевые слова: исторические аналогии, специальная военная операция, СВО, Россия, Украина, историческая политика, политика памяти, политический дискурс

Благодарности. Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда № 24-28-01495 «Военные «мифы основания» в структуре национальной идентичности (на примере роли образов военного прошлого в современном российском обществе)».

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Беклямишев В.О., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Беклямишев В.О. Функциональная роль исторических аналогий в российском и украинском президентских дискурсах о специальной военной операции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 4. С. 644–657. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-644-657>

The Functional Role of Historical Analogies in Russian and Ukrainian Presidential Discourses on the Special Military Operation

Vladimir O. Bekliamishev

State Academic University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

✉ bekliamishev@yandex.ru

Abstract. The application of historical analogies in Russian and Ukrainian presidential discourses in the initial period of the special military operation (24.02-21.09.2022) is noteworthy. The purpose of the study was to identify their functional role. The results demonstrated that two ontologies of the conflict coexisted in the Russian presidential discourse. The dominant ontology, set by a parallel with the Great Patriotic War, assumed the collective West as an enemy, that uses Ukraine as a “foothold”. The second ontology, described through a parallel with the Russian Civil War, gave Ukraine greater subjectivity, assigning the collective West the role of a third party benefiting from the conflict. In turn, the repertoire of historical analogies in the Ukrainian presidential discourse was much broader, but most of the identified parallels were based on precedent situations from foreign history and were used to influence the perception of the Russian-Ukrainian conflict by the countries of the collective West. The noted imbalance was partly since unresolved structural conflicts between Soviet and nationalist narratives prevented Ukrainian elites from effectively using historical arguments in domestic political communication.

Keywords: historical analogies, special military operation, SMO, Russia, Ukraine, historical policy, policy of memory, political discourse

Acknowledgements. The article was prepared thanks to the grant of the Russian Scientific Foundation No. 24-28-01495 “Military “myths of the foundation” in the structure of national identity (on the example of the role of images of the military past in modern Russian society)”.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Bekliamishev, V.O. (2024). The functional role of historical analogies in Russian and Ukrainian presidential discourses on the Special military operation. *RUDN Journal of Political Science*, 26(4), 644–657. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-4-644-657>

Введение

В последней четверти XX в. под влиянием «мнемонического поворота» в социальных науках сформировался устойчивый интерес к политике памяти как одной из форм символической политики. В русле данного подхода коллективные представления о прошлом, включая воспоминания о предыдущих военных конфликтах, воспринимаются, в первую очередь, как предмет конкурентной борьбы, в которой участвуют политические акторы, стремящиеся утвердить

собственные интерпретации исторической реальности в качестве доминирующих [Малинова 2019: 291].

События политического кризиса на Украине, спровоцированного антиконституционным переворотом в Киеве в 2014 г., неоднократно рассматривались с этих методологических позиций, однако по преимуществу зарубежными авторами, обладающими ограниченными возможностями анализа русскоязычного политического дискурса [Berrocal 2019; Dreyer 2018; Gaufman 2015; Klumenko 2020]. Кроме того, специальная военная операция Вооруженных сил Российской Федерации на Украине (СВО) положила начало принципиально новому этапу противостояния, анализ символических аспектов которого только стартовал [Kalhousová, Finkel, Kocián 2024; Kurnyshova 2024; Labuda 2024].

Этими обстоятельствами, на наш взгляд, обуславливается актуальность обращения к проблематике политики памяти в период проведения СВО, включая как разделяемые противоборствующими обществами исторические представления, так и применяемые сторонами конфликта инструменты политического использования прошлого. Одним из таких инструментов являются исторические аналогии, часто включаемые в политические и медиадискурсы. Под «исторической аналогией» нами, вслед за хорватским политическим лингвистом Д. Пехаром, понимается «проекция образа прошлого на образ настоящего или будущего» [Pehar 2001: 117]. Цель исследования — выявление основных исторических аналогий в российском и украинском президентских дискурсах об СВО и определение их функциональной роли.

Хронологические рамки исследования охватили период с 24 февраля по 21 сентября 2022 г. (с момента начала СВО до объявления в России частичной мобилизации). Именно в это время обе стороны прилагали максимальные усилия по формированию общественного мнения, в процессе чего сложились устойчивые репертуары исторических аналогий, сохранявшиеся и позднее.

Методология исследования

С тех пор как в середине 1960-х гг. американский историк Г. Фейс впервые поставил вопрос о влиянии «того, что может быть названо „историческими воспоминаниями“ на некоторые из выдающихся решений американской дипломатии военного времени» [Feis 1967: 91], корпус работ, посвященных проблематике исторических аналогий, успел сформировать обособленное проблемное поле на стыке междисциплинарного направления «memory studies» и теории международных отношений. По мере роста влияния медиа в публичной политике фокус внимания исследователей сместился с анализа влияния параллелей с прошлым на процесс выработки политических решений к изучению их роли в борьбе за символическое доминирование [Беклямишев 2021].

Методология проведенного исследования формировалась в соответствии с этой традицией и включала в себя инструментарий анализа исторических аналогий в контексте их применения в целях секьюритизации [Makhortykh 2020] и конструирования идентичностей [Rasmussen 2003]. При этом исторические аналогии

рассматривались нами, прежде всего, как инструмент оказания убеждающего воздействия, способный «влиять на дискурс и задавать параметры дискуссии» [Kaarbo, Kenealy 2017: 70]. Предполагалось, что политические акторы, стремясь добиться признания собственной позиции, активно продвигают одни параллели с прошлым и стараются дискредитировать другие [Stuckley, Antczak 1994].

Для проведения исследования были сформированы две выборки текстов, одна из которых репрезентировала российский, а другая — украинский президентский дискурсы. В первую выборку вошли материалы, содержащие исторические аналогии, с официального сайта президента Российской Федерации (kremlin.ru), а во вторую — с официального сайта президента Украины (president.gov.ua). В ряде случаев для уточнения интерпретаций конкретной аналогии или выявления случаев ее оспаривания дополнительно привлекались материалы СМИ и блогосферы.

Российский президентский дискурс

Начало СВО в феврале 2022 г. обусловило глубокую перестройку политических дискурсов в России и на Украине. Обеим сторонам конфликта потребовалось оперативно «стабилизировать смыслы, благоприятствующие их политическим курсам» [Байша 2023], чтобы решить задачи внутривнутриполитической мобилизации. При этом, если украинские нарративы распространялись при поддержке глобальных западных медиа, то российские были доступны преимущественно внутренней аудитории.

Российский президентский дискурс, включающий в себя нарратив об историческом единстве русских и украинцев, строился вокруг тезиса о необходимости защиты мирного населения Донбасса и противодействия военной угрозе со стороны коллективного Запада. Последнему отводилась роль субъекта, использующего Украину в качестве «плацдарма»¹. По мере расширения перечня внеправовых санкций против России и интенсификации контактов со странами глобального Юга к этим элементам добавился антиколониальный мотив, нашедший завершенное выражение в речи по случаю воссоединения четырех новых регионов с Российской Федерацией².

Обращает на себя внимание, что репертуар исторических аналогий в российском президентском дискурсе оказался существенно меньше, чем в украинском. Рамку восприятия конфликта в нем задавала параллель между СВО и Великой Отечественной войной. Со временем, в том числе за счет активного создания новой «инфраструктуры памяти», включающей в себя экспозиции и мемориалы³, эта аналогия приобрела черты «символического моста» (в терминологии

¹ Владимир Путин ответил на вопросы журналистов. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68783> (дата обращения: 01.11.2024).

² Подписание договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69465> (дата обращения: 01.11.2024).

³ Видеообращение к участникам церемонии открытия восстановленного мемориального комплекса «Саур-Могилы». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69314> (дата обращения: 01.11.2024).

Я. Зерабувель) — многоуровневой мнемонической конструкции, «соединяющей исторические периоды, разделенные значительным историческим временем, подчеркивая символическую преемственность между ними» [Zerubavel 2020: 9].

Опирающаяся на «базовый сюжет» российской гражданской идентичности и находящая подтверждения в неприемлемом радикально-националистическом позиционировании политического режима в Киеве, параллель с Великой Отечественной войной может рассматриваться как «аналогия–травма», то есть ссылка «на крайне острые эпизоды в прошлом, которые являются „оголенным нервом“ в памяти сообщества и лиц, принимающих решения» [Brändström, Bynander, Hart 2004: 194].

Поскольку воспоминания о предыдущих войнах способны упростить процесс придания конкретным проблемам экзистенциального статуса [Buzan, Wæver, de Wilde 1998: 60], данная параллель также применялась в целях секьюритизации с первых дней проведения СВО, помогая обозначить серьезность внешней угрозы. *«Мы хорошо знаем из истории, как в 40-м году и в начале 41-го года прошлого века Советский Союз всячески стремился предотвратить или хотя бы оттянуть начало войны... Второй раз мы такой ошибки не допустим»*, — отмечал президент В.В. Путин в обращении к нации за несколько часов до начала конфликта⁴. Следует иметь в виду, что к тому моменту эффективность стратегии секьюритизации через историческую аналогию с Великой Отечественной войной уже подтверждалась примерами ее применения в период кризиса на Украине в 2014 г. [Makhortykh 2018].

Подчеркивая оборонительный характер специальной военной операции, данная параллель одновременно конструировала образ коллективного Запада как единого субъекта и возлагала на него всю полноту моральной ответственности. Так, высказываясь на тему попыток экономической и информационной блокады России, президент В.В. Путин сравнил их *«с антисемитскими погромами, которые устраивали нацисты в Германии 30-х годов прошлого века, а затем и их приспешники из многих европейских стран, которые присоединились к гитлеровской агрессии против нашей страны во время Великой Отечественной войны»*⁵.

Следует отметить, что уже после рассматриваемого периода, с ноября 2022 г., в официальном российском дискурсе появилась еще одна историческая аналогия — между СВО и Гражданской войной, вновь отсылающая к нарративу об историческом единстве русских и украинцев⁶. Как отмечал президент В.В. Путин на встрече с историками и представителями традиционных религий: *«...противостояние идет внутри одного народа, так же как это было после потрясений 1917 г., людей снова стравили»*. Таким образом

⁴ Обращение Президента Российской Федерации 24 февраля 2022 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67843> (дата обращения: 01.11.2024).

⁵ Совещание о мерах социально-экономической поддержки регионов. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67996> (дата обращения: 01.11.2024).

⁶ Статья Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/articles/66181> (дата обращения: 01.11.2024).

конструировалась принципиально иная онтология конфликта: *«Тогда иностранные державы грели руки на трагедии нашего народа. Им было плевать и на белых, и на красных, они преследовали свои интересы, ослабляли и рвали историческую Россию на части. И сегодня, беспрерывно поставляя оружие на Украину, перебрасывая туда наемников, они абсолютно безжалостны к ее гражданам»*⁷.

Кроме того, определенный спектр исторических аналогий выработался и за рамками официального дискурса. Особого внимания среди них заслуживает параллель между СВО и Первой мировой войной, основанная на том, что российско-украинский конфликт к осени 2022 г. приобрел позиционный характер. Посредством нее и ряда других схожих аналогий предпринимались в целом малоуспешные попытки контр-секьюритизации, в ходе которых в качестве «угрозы» обозначались издержки от нахождения страны в состоянии боевых действий, а «выходом» виделось завершение СВО до достижения поставленных целей⁸.

Украинский президентский дискурс

В условиях изначальной асимметрии потенциалов участников конфликта прагматическим аспектом украинского президентского дискурса являлись максимизация внешней военно-финансовой поддержки и укрепление требуемой для этого блоковой солидарности. *«Мы помогли Западу найти себя снова, вернуться на глобальную арену и почувствовать, насколько Запад преобладает»*, — указывал в качестве главного внешнеполитического достижения первого года противостояния президент В.А. Зеленский⁹. Как следствие, украинский дискурс вынужденно сочетал в себе националистические элементы, адресованные внутренней аудитории, с тезисом о европейской идентичности Украины и собственными либерально-глобалистскому дискурсу оппозициями — «цивилизация — варварство», «свобода – несвобода».

Невзирая на то, что президент В.А. Зеленский призывал *«не повторять нарративы России, которая пытается... сравнивать войну в нашей стране с другими конфликтами»*¹⁰, в его собственном дискурсе присутствуют многочисленные исторические аналогии, направленные преимущественно на зарубежную аудиторию. Среди них могут быть выделены параллели между

⁷ Встреча с историками и представителями традиционных религий России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69781> (дата обращения: 01.11.2024).

⁸ Каждый пятый в России против СВО. URL: <https://www.yavlinsky.ru/article/kazhdyj-ryatuj-v-rossii-protiv-svo/> (дата обращения: 01.11.2024).

⁹ Выступление Президента с ежегодным Посланием к Верховной Раде о внутреннем и внешнем положении Украины. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/vistup-prezidenta-zishorichnim-poslanniam-do-verhovnoyi-rad-80113> (дата обращения: 01.11.2024).

¹⁰ Если Украина не сдержит агрессию России, эта война перекинется на другие территории, может, даже на другие континенты — Президент на NYT DealBook Summit. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/yaksho-ukrayina-ne-vtrimaye-agresiyi-rosiyi-cya-vijna-pereki-79557> (дата обращения: 01.11.2024).

СВО и национально-освободительными войнами (например, Нидерландской революцией 1555–1572 гг.)¹¹, свержениями авторитарных режимов (в частности режима Н. Чаушеску в 1989 г.)¹², а также различными военными преступлениями предшествующих периодов (например, бомбардировкой Герники в ходе Гражданской войны в Испании в 1937 г.)¹³. Очевидно, что данные исторические аналогии подбирались специальным образом, чтобы служить «аналогиями-травмами» для конкретных аудиторий, перед которыми выступал президент В.А. Зеленский. Обращение к историческим прецедентам из национальных историй других европейских стран служило сигналом о принадлежности Украины к западной культурной общности, помогало этически атрибутировать акторов конфликта и их действия, а также создавало требуемый эмоциональный фон для восприятия других озвучиваемых президентом Украины тезисов.

Наиболее частой в украинском президентском дискурсе являлась параллель со Второй мировой войной. Учитывая роль, отведенную образам Второй мировой войны в западной культуре и глобальной памяти, случаи, когда обе воюющие стороны одновременно отождествляли бы своего противника с нацистской Германией, нередки. Впрочем, это не отменяет различий ни между нарративами, на которые опираются внешне схожие исторические аналогии, ни между целями, которые преследуют акторы, их использующие. Примером могут служить одновременные отсылки к образу Холокоста американскими и сербскими элитами в период конфликта на территории бывшей Югославии [Aktivoulis 2015: 227].

Как можно предположить, основной причиной проведения аналогий со Второй мировой войной в дискурсе В.А. Зеленского являлось стремление повысить статус российско-украинского конфликта в глазах лидеров крупнейших стран Запада. В свое время датский политолог М. Расмуссен возводил агентность коллективного Запада к «уроку Версаля», то есть негативному опыту 1930-х гг., когда разобщенность стран — гарантов Версальского миропорядка не позволила им предотвратить реванш Германии [Rasmussen 2003: 511]. Иными словами, напоминание о событиях 1930-х гг. служит для стран-лидеров коллективного Запада мобилизующим сигналом, побуждающим включаться во внешние конфликты, чтобы не позволить третьим странам осуществить ревизию мирового порядка, бенефициарами которого западные страны являются. По мнению М. Расмуссена, «западный альянс по-прежнему определяется уроком Версаля,

¹¹ Речь Президента Украины Владимира Зеленского в Генеральных штатах, парламенте Нидерландов. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/promova-prezidenta-ukrayini-volodimira-zelenskogo-u-generaln-74001> (дата обращения: 01.11.2024).

¹² Речь Президента Украины Владимира Зеленского в парламенте Румынии. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/promova-prezidenta-ukrayini-volodimira-zelenskogo-v-parlamen-74081> (дата обращения: 01.11.2024).

¹³ Речь Президента Украины в Генеральных кортесах Испании. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/promova-prezidenta-ukrayini-u-generalnih-kortesah-ispaniyi-74125> (дата обращения: 01.11.2024).

потому что этот урок определяет сами концепции мира и безопасности, которые Запад должен защищать» [Rasmussen 2003: 519].

Симптоматично, что уже в ходе грузино-югоосетинского конфликта президент М.Н. Саакашвили активно проводил параллели с «мюнхенским соглашением» 1938 г., чтобы мобилизовать военную поддержку со стороны США, которая представлялась ему недостаточной [Беклямишев 2022: 87–88]. Аналогичным образом выстраивался и украинский президентский дискурс. Благодаря поддержке американских и британских СМИ широкую популярность в западном медиаполе приобрела аналогия между президентом В.А. Зеленским и премьер-министром Великобритании У. Черчиллем, инспирированная выступлением президента В.А. Зеленского в Палате общин¹⁴. Впоследствии ее подхватили и украинские СМИ, ряд из которых воспроизводил ранее обозначенную нами логику: «...наши руководители имели возможность побывать в шкуре Черчилля — когда наши „друзья“ сначала прочили фашистский парад на Крещатике, затем... приняли законодательный „огнетушитель“ в виде легендарного ленд-лиза... Но мораль всей этой драматической истории неизменна — американская нация долго запрягает, но, решившись на борьбу... ведет свою партию исключительно к победному крещендо»¹⁵.

Будучи инструментально удобной на внешнеполитическом контуре, параллель между конфликтом с Россией и событиями Второй мировой войны продуцировала серьезные противоречия с точки зрения украинской внутренней политики. С одной стороны, в обращениях президента В.А. Зеленского несколько раз использовалось понятие «Отечественная война»¹⁶, однако, с другой стороны, последовательное противопоставление «позитивной» националистической и «отрицательной» советской традиций в истории Украины XX в. не позволяло прямо отождествлять ВСУ с Красной армией. Напротив, разрыв с недавним прошлым в интересах форсирования национального строительства являлся одной из ключевых задач Киева в сфере символической политики. Как отмечал по этому поводу глава администрации президента Украины А.Б. Ермак: «...есть большой символизм в том, что, разрушая старые советские здания, инфраструктуру, они [Россия] уничтожили и последнюю связь Украины с СССР. Никаких сантиментов даже у людей, живших в Советском Союзе, больше не будет. И это хорошо»¹⁷. В результате большинство параллелей со Второй мировой войной, вы-

¹⁴ Zelensky is not Churchill. He's a more unlikely hero. URL: <https://www.cnn.com/2022/03/08/politics/zelensky-ukraine-churchill-what-matters/index.html> (accessed: 09.11.2024).

¹⁵ Вогнегасник для Черчилля. Як Америка дозривала до вступу у війну... URL: <https://www.ukrinform.ua/rubric-ato/3637344-vognegasnik-dla-cercilla-ak-amerika-dozrivala-do-vstupu-u-vijnu.html> (дата обращения: 01.11.2024).

¹⁶ Для нас это отечественная война, и мы знаем, чем такие войны заканчиваются для захватчиков — обращение Президента Украины. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/dlya-nas-ce-vitchiznyana-vijna-i-mi-znaemo-chim-taki-vijni-73293> (дата обращения: 01.11.2024).

¹⁷ Глобальная система безопасности оказалась несостоятельной, Украина показывает, как построить более эффективную — Андрей Ермак. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/globalna-sistema-bezpeki-viyavilas-nespromozhnoyu-ukrayina-p-74709> (дата обращения: 01.11.2024).

явленных в президентском дискурсе в рассматриваемый период, либо никак не связаны с историей Украины (например, аналогия с Перл-Харбором)¹⁸, либо проводились с оговорками.

В этой связи примечательна заметка украинского политолога Н. Лебядь: «С первых дней войны мой фейсбучный пузырь наполнился сравнениями... российско-украинской войны и войны немецко-советской. И это изрядно раздражало. Кто-то из френдов вытащил семейную басню о том, как немец поделился с его дедушкой (который тогда был маленьким мальчиком) последним куском хлеба... Мне казалось, что еще немного, и все начнут плакать от восхищения, вспоминая, какими замечательными были оккупанты 1940-х»¹⁹. При этом исторические аналогии, в которых Украина соотносилась с нацистской Германией, а Россия — с Советским Союзом, сразу заняли заметное место в украинском медиапространстве. Например, в интервью экс-командующего Сухопутными войсками ВСУ В.Ф.Залужного он, рассуждая о российском генералитете, упоминает, что они «как и во время Второй мировой войны... где-то за Уралом они уже готовят новые ресурсы», а затем прямо сравнивает президента России В.В. Путина с маршалом Г.К. Жуковым (разумеется, оцениваемым им негативно)²⁰. В свою очередь, в статье, посвященной Харьковскому контрнаступлению ВСУ, проводится параллель с успешной для вермахта операцией «Фредерикус»²¹.

Следует добавить, что аналогии между современной Россией и Советским Союзом являлись символическим инструментом и сами по себе. Во-первых, они служили элементом риторики секьюритизации, позволяющей навязывать желательную для Киева политику в отношении России через понятную западной аудитории параллель с «холодной войной», в контексте чего возникали прецедентные образы «железного занавеса»²², ГУЛАГА²³ или «Пражской весны»²⁴. Во-вторых, эти же аналогии были призваны деморализовать российскую

¹⁸ Выступление Президента Украины Владимира Зеленского перед Конгрессом США. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/promova-prezidenta-ukrayini-volodimira-zelenskogo-pred-kong-73609> (дата обращения: 01.11.2024).

¹⁹ Он вам не Гитлер. URL: <https://www.ukrinform.ua/rubric-ato/3436719-vin-vam-ne-gitler.html> (дата обращения: 01.11.2024).

²⁰ An interview with General Valery Zaluzhny, head of Ukraine's armed forces. URL: <https://www.economist.com/zaluzhny-transcript> (accessed: 09.11.2024).

²¹ Успіх ЗСУ на Харківщині: подібне в історії війн бувало, але дуже нечасто. URL: <https://www.ukrinform.ua/rubric-ato/3573458-uspikh-zsu-na-harkivsini-podibne-v-istorii-vijn-buvalo-ale-duze-necasto.html> (дата обращения: 01.11.2024).

²² Обращение Президента Украины. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/zvernennya-prezidenta-ukrayini-73137> (дата обращения: 01.11.2024).

²³ Украина получает от партнеров поддержку, подкрепленную конкретными шагами — обращение Президента Владимира Зеленского. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/ukrayina-otrimuye-vid-partneriv-pidtrimku-pidkriplenu-konkre-73377> (дата обращения: 01.11.2024).

²⁴ В Украине сейчас решающая битва за свободу; мы благодарны вам, что в этой битве мы не одни — обращение Президента к участникам ежегодной конференции Forum 2000 в Праге. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/v-ukrayini-zaraz-virishalna-bitva-za-svobodumi-vdyachni-vam-77453> (дата обращения: 01.11.2024).

аудиторию, усилив инструментами символической политики материальное воздействие внеправовых экономических санкций.

В свою очередь, стратегией преодоления разрыва между антисоветским дискурсом украинских элит и неуместностью прямого отождествления Украины с гитлеровской Германией послужили исторические аналогии между СВО и Зимней войной 1938–1940 гг. И хотя в дискурсе президента В.А. Зеленского подобная параллель была зафиксирована только один раз²⁵, и притом в обращении ко внешней аудитории, маршал К.Г. Маннергейм на протяжении всего рассматриваемого периода оставался, как утверждалось в одной из посвященных ему статей, «любимчиком украинских медиа»²⁶.

Добавим, что при этом обращает на себя внимание крайне незначительное количество отсылок к героическим мифам собственно украинского национального нарратива. Единственным исключением в рассматриваемый период стали аналогии между действиями российских вооруженных сил и так называемым «голодомором-геноцидом» — «базовым сюжетом» украинского этнонационализма. Соответствующими параллелями сопровождалась, в частности, подготовка к Первому саммиту по международной продовольственной безопасности, организованному в дни поминовения жертв голода 1932–1933 гг. с целью оказания давления на Россию по вопросу о продлении так называемым «зерновой сделки»²⁷. Это позволяло президенту Украины не просто артикулировать этническую идентичность («*Мы помним, как это, когда твой народ хотят уничтожить*»), но и одновременно выдвигать претензии на моральное лидерство («*Мы не дадим оставить без еды и воды миллионы людей в мире... Ни у нас, ни в любом государстве мира на всей планете*»)²⁸.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов. В рассматриваемый период в российском президентском дискурсе сосуществовали две онтологии конфликта. Доминирующая онтология, задаваемая параллелью

²⁵ Речь Президента Украины Владимира Зеленского в Эдускунте, парламенте Финляндии. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/promova-prezidenta-ukrayini-volodimira-zelenskogo-v-eduskunt-74181> (дата обращения: 01.11.2024).

²⁶ Бучанська тероборона: за що би нас похвалив Маннергейм. URL: <https://www.ukrinform.ua/rubric-ato/3528648-bucanska-teroborona-za-so-bi-nas-pohvaliv-mannergejm.html> (дата обращения: 01.11.2024).

²⁷ Никогда больше голод не должен использоваться как оружие — обращение Президента Владимира Зеленского. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/nikoli-bilshe-golod-ne-maye-vikoristovuvatis-yak-zbroya-zver-79469> (дата обращения: 01.11.2024).

²⁸ Выступление Президента Украины на Международном учредительном саммите International Summit on Food Security в рамках гуманитарной программы Grain from Ukraine. URL: <https://www.president.gov.ua/ru/news/vistup-prezidenta-ukrayini-na-mizhnarodnomu-ustanovchomu-sam-79449> (дата обращения: 01.11.2024).

с Великой Отечественной войной, предполагала в качестве врага коллективный Запад, использующий Украину как «таран» против России. Вторая онтология, описываемая через параллель с Гражданской войной, придавала Украине большую субъектность, отводя коллективному Западу роль третьей стороны, извлекающей выгоду из конфликта. Аналогию с Великой Отечественной войной при этом можно рассматривать как одновременно когнитивную и инструментальную. С высокой долей вероятности лица, принимающие решения, руководствовались ею сами, а уже затем использовали для легитимации предпринятых мер в публичном поле. На это указывают как единообразное толкование данной параллели (вне зависимости от аудитории), так и то, что она опиралась на уже устоявшиеся коллективные представления о прошлом.

В свою очередь, в украинском президентском дискурсе доминировали инструментальные аналогии, применение которых было призвано, в первую очередь, повлиять на поведение элит стран-лидеров коллективного Запада. Их функциональная роль состояла в том, чтобы мобилизовать поддержку, этически атрибутировать стороны конфликта, виктимизировать Россию и сформировать необходимый эмоциональный фон. При этом сохраняющиеся структурные конфликты между советским и националистическим нарративами не позволили эффективно опираться на прошлое во внутривнутриполитической коммуникации. Как следствие, при обращении к нации акцент делался преимущественно на настоящем, поскольку именно текущее противостояние с Россией виделось залогом ускорения процессов украинского нациестроительства.

Рассмотренные нами случаи указывают, что борьба политических акторов за доминирование интерпретаций прошлого и настоящего ведется ими одновременно на обоих уровнях. Дискурсивное конструирование того или иного исторического нарратива не является для актора самоцелью и обуславливается потребностью в последующем проведении аналогии с той ситуацией, на которую он хочет повлиять. Соответственно, при изучении политики памяти это «прагматическое» измерение обязательно должно браться в расчет. Кроме того, обращает на себя внимание типологическая схожесть исторических аналогий в репертуарах либерально-националистических элит стран постсоветского пространства (Грузия, Украина), использующих, в частности, параллель с «мюнхенским сговором» (или, в терминологии М. Расмуссена, отсылку к «уроку Версаля») для мобилизации поддержки со стороны коллективного Запада в период противостояния с Россией. В этой связи перспективным видится дальнейшее изучение функциональной роли отдельных исторических параллелей как инструмента наднациональной коммуникации.

Поступила в редакцию / Received: 19.09.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 01.11.2024

Принята к публикации / Accepted: 02.11.2024

Библиографический список

- Байша О.* СВО и закрытие дискурсов: вытеснение альтернативных смыслов и фиксация гегемонистских значений // Социодиггер. 2023. Т. 4. Вып. 9 (28). URL: <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/svo-i-zakrytie-diskursov-vytesnenie-alternativnykh-smyslov-i-fiksacija-gegemonistskikh-znachenii> (дата обращения: 01.11.2024).
- Беклямишев В.О.* Исторические аналогии в президентских дискурсах России, Грузии и Франции о пятидневной войне в августе 2008 г. // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 77–92.
- Беклямишев В.О.* К вопросу об изучении исторических аналогий в политическом дискурсе: описание проблемного поля // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2021. № 6. С. 92–107.
- Малинова О.Ю.* Политика памяти как область символической политики // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2019. № 9. С. 285–312.
- Akrivoulis D.E.* Metaphors Matter: The Ideological Functions of the Kosovo–Holocaust Analogy // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2015. Vol. 17, iss. 2. P. 222–242.
- Berrocal M.* Constructing threat through quotes and historical analogies in the Czech and the US «Ukraine Discourse» // Journal of Language and Politics. 2019. Vol. 18, no. 6. P. 870–892.
- Brändström A., Bynander F., Hart P.* Governing by Looking Back: Historical Analogies and Crisis Management // Public administration. 2004. Vol. 82, no. 1. P. 191–210.
- Buzan B., Wæver O., de Wilde J.* Security: A New Framework for Analysis. London : Lynne Rienner Publishers, 1998.
- Dreyer N.* Genocide, Holodomor and Holocaust Discourse as Echo of Historical Injury and as Rhetorical Radicalization in the Russian–Ukrainian Conflict of 2013–18 // Journal of Genocide Research. 2018. Vol. 20, no. 4. P. 545–564.
- Feis H.* Some notes on historical record-keeping, the role of historians, and the influence of historical memories during the era of the Second World War // The historian and the diplomat: The role of history and historians in American foreign policy. NY: Harper & Row., 1967. P. 91–122.
- Gaufman E.* Memory, media, and securitization: Russian media framing of the Ukrainian crisis // Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society. 2015. Vol. 1, no. 1. P. 141–175.
- Kaarbo J., Kenealy D.* Precedents, parliaments, and foreign policy: historical analogy in the House of Commons vote on Syria // West European Politics. 2017. Vol. 40, no. 1. P. 70.
- Kalhousová I., Finkel E., Kocián J.* Historical analogies, traumatic past and responses to the war in Ukraine // International Affairs. 2024. Vol. 100, no. 6. P. 2501–2523.
- Klymenko L.* Understanding the Donbas War in Terms of World War II: A Metaphor Analysis of the Armed Conflict in Eastern Ukraine // Formerly Global Review of Ethnopolitics. 2020. Vol. 19, no. 5. P. 483–500.
- Kurnyshova Y.* Analogical Reasoning: Historical Parallels and Metaphors in the 2022 War Narratives in Ukraine and Russia // Journal of Regional Security. 2024. Vol. 18. P. 9–18.
- Labuda P.* From Genocide to Colonialism: Memory Wars at the United Nations after the 2022 Russian Invasion of Ukraine/ SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=4929244> (accessed: 01.11.2024). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4929244>.
- Makhortykh M.* #NoKievNazi: Social media, historical memory and securitization in the Ukraine crisis // Memory and Securitization in Contemporary Europe. London, NY: Palgrave Macmillan, 2018. P. 219–247.
- Makhortykh M.* Historical memory and securitisation of the Russian intervention in Syria // International Politics. 2020. Vol. 57. P. 1063–1081.
- Pehar D.* Historical rhetoric and diplomacy — an uneasy cohabitation // Language and Diplomacy. ed by Kurbalija J., Slavik H. Diplo Foundation, 2001. P. 117–138.

- Rasmussen M. The history of a lesson: Versailles, Munich, and the social construction of the past // *Review of International Studies*. 2003. Vol. 29, no. 4. P. 499–519.
- Stuckley M.E., Antczak F.J. The Battle of Issues and Images: Establishing Interpretive Dominance // *Communication Quarterly*. 1994. Vol. 42, no. 2. P. 120–132.
- Zerubavel Y. Boundaries, bridges, analogies and bubbles: Structuring the past in Israeli mnemonic culture // *Journal of Israeli History*. 2020. Vol. 38, no. 1. P. 5–23.

References

- Akrivoulis, D.E. (2015). Metaphors Matter: The Ideological Functions of the Kosovo–Holocaust Analogy. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*, 2, 222–242.
- Baisha, O. (2023). SVO and the closure of discourses: The displacement of alternative meanings and the fixation of hegemonic meanings. *Sociodigger*, 4, 9(28). Retrieved November 1, 2024, from <https://sociodigger.ru/articles/articles-page/svo-i-zakrytie-diskursov-vytesnenie-alternativnykh-smyslov-i-fiksacija-gegemonistskikh-znachenii> (In Russian)
- Bekliamishev, V.O. (2021). On the issue of studying historical analogies in political discourse: description of the problem field. *Bulletin of the Moscow University. Series 12. Political science*, 6, 92–107. (In Russian).
- Bekliamishev, V.O. (2022). Historical analogies in the presidential discourses of Russia, Georgia and France about the five-day war in August 2008. *Bulletin of the Tula State University. Humanities*, 1, 77–92. (In Russian).
- Berrocal, M. (2019). Constructing threat through quotes and historical analogies in the Czech and the US “Ukraine Discourse”. *Journal of Language and Politics*, 18(6), 870–892.
- Brändström, A., Bynander, F., & Hart, P. (2004). Governing by looking back: Historical analogies and crisis management. *Public administration*, 82(1), 191–210.
- Buzan, B., Wæver, O., & de Wilde, J. (1998). *Security: A new framework for analysis*. London: Lynne Rienner Publishers.
- Dreyer, N. (2018). Genocide, Holodomor and Holocaust Discourse as Echo of Historical Injury and as Rhetorical Radicalization in the Russian–Ukrainian Conflict of 2013–18. *Journal of Genocide Research*, 20(4), 545–564.
- Feis, H. (1967). Some notes on historical record-keeping, the role of historians, and the influence of historical memories during the era of the Second World War. In *The historian and the diplomat: The role of history and historians in American foreign policy* (pp. 91–122). New York: Harper & Row.
- Gaufman, E. (2015). Memory, media, and securitization: Russian media framing of the Ukrainian crisis. *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society*, 1(1), 141–175.
- Kaarbo, J., & Kenealy, D. (2017). Precedents, parliaments, and foreign policy: historical analogy in the House of Commons vote on Syria. *West European Politics*, 40(1), 70.
- Kalhousová, I., Finkel, E., & Kocián, J. (2024). Historical analogies, traumatic past and responses to the war in Ukraine. *International Affairs*, 100(6), 2501–2523.
- Klymenko, L. (2020). Understanding the Donbas war in terms of World War II: A metaphor analysis of the armed conflict in Eastern Ukraine. *Formerly Global Review of Ethnopolitics*, 19(5), 483–500.
- Kurnyshova, Y. (2024). Analogical reasoning: Historical parallels and metaphors in the 2022 war narratives in Ukraine and Russia. *Journal of Regional Security*, 18, 9–18.
- Labuda, P. (2024). From genocide to colonialism: Memory wars at the United Nations after the 2022 Russian invasion of Ukraine. *SSRN*. Retrieved November 1, 2024, from: <https://ssrn.com/abstract=4929244> <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4929244>.
- Makhortykh, M. (2018). #NoKievNazi: Social media, historical memory and securitization in the Ukraine crisis. In *Memory and Securitization in Contemporary Europe* (pp. 219–247). London, NY: Palgrave Macmillan.

- Makhortykh, M. (2020). Historical memory and securitisation of the Russian intervention in Syria. *International Politics*, 57, 1063–1081.
- Malinova, O.Yu. (2019). Policy of memory as a sphere of symbolic policy. *METHOD: The Moscow Yearbook of papers from Social Science disciplines*, 9, 285–312. (In Russian).
- Pehar, D. (2001). Historical rhetoric and diplomacy — an uneasy cohabitation. In J. Kurbalija & H. Slavik (Eds.), *Language and Diplomacy* (pp. 117–138). Diplo Foundation.
- Rasmussen, M. (2003). The history of a lesson: Versailles, Munich, and the social construction of the past. *Review of International Studies*, 29(4), 499–519.
- Stuckley, M.E., & Antczak, F.J. (1994). The battle of issues and images: Establishing interpretive dominance. *Communication Quarterly*, 42(2), 120–132.
- Zerubavel, Y. (2020). Boundaries, bridges, analogies and bubbles: Structuring the past in Israeli mnemonic culture. *Journal of Israeli History*, 38(1), 5–23.

Сведения об авторе:

Беклямишев Владимир Олегович — кандидат политических наук, научный сотрудник Научно-проектного отдела Научно-инновационного управления, Государственный академический университет гуманитарных наук (e-mail: bekliamishev@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-0528-8704)

About the author:

Vladimir O. Bekliamishev — PhD in Political Science, Research Fellow of the Department of Scientific and Innovative Management, State Academic University for the Humanities (e-mail: bekliamishev@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-0528-8704)